

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 331–337
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 331–337
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337>

Научная статья
УДК 323.22

Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития

С. А. Панкратов¹✉, К. М. Макаренко¹, Л. С. Панкратова²

¹Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

²Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Макаренко Кирилл Михайлович, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Панкратова Лилия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования протестного медиа-активизма в современной России с учетом проявления его новых форм, таких как онлайн-митинги, а также проведен анализ перспектив его дальнейшего применения в протестной практике современной России. Сделан вывод о неоднозначности применения новых медиатехнологий для консолидации протестного потенциала российского общества, что связано с наличием тенденций к росту пользователей сети Интернет и увеличением инструментов контроля государства за сферой публичных коммуникаций в Интернете.

Ключевые слова: протест, медиа-активизм, политическая мобилизация, политический процесс, протестная активность

Для цитирования: Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 331–337. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Protest media activism in modern Russia and prospects for its development

S. A. Pankratov¹✉, K. M. Makarenko¹, L. S. Pankratova²

¹Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

²St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Sergey A. Pankratov, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Kirill M. Makarenko, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Liliya S. Pankratova, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Abstract. The article attempts to study protest media activism in modern Russia, taking into account the manifestation of its new forms, such as online rallies, as well as an analysis of the prospects for its further application in the protest practice of modern Russia. The conclusion is made about the ambiguity of the use of new media technologies to consolidate the protest potential of the Russian society, which is associated with the presence of trends in the growth of the Internet users and the increase in state control over the sphere of public communications on the Internet.

Keywords: protest, media activism, political mobilization, political process, protest activity

For citation: Pankratov S. A., Makarenko K. M., Pankratova L. S. Protest media activism in modern Russia and prospects for its development. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 331–337 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Протест как феномен поведения граждан и протестное действие как результат накопления недовольства в обществе становится все более важной темой в отечественной науке, что от-

части выражается в росте количества научных проектов, публикаций и поддержке исследований, связанных с выявлением причин, механизмов и форм протестной активности, российски-

ми исследовательскими фондами. Протестная активность в современной России отличается скачкообразным характером и отсутствием четко выраженных институциональных образований, организующих и координирующих протестное действие. Тематика протестных выступлений представлена широким спектром вопросов: социальных, экономических, гражданских и политических. Вместе с этим распространена диффузия протестной повестки, что приводит к расширению круга охватываемых вопросов и формируемых претензий.

С учетом отмечаемых в отечественных исследованиях факторов «сужения возможностей для легального протестного действия возможно ожидать перехода в непубличные формы» [1, с. 130]. Помимо этого, исследователями отмечается наличие тесной взаимосвязи различных форм политических действий: граждане, проявляющие цифровую активность также активны в офлайн-акциях (и наоборот) [2].

В рамках статьи фокус исследовательского внимания направлен на изучение проявления и перспектив протестного медиа-активизма в современной России.

Методологической основой исследования выступают принципы неинституционального подхода (Д. Марч, Й. Олсен), что обеспечивает возможность проанализировать формы образования и практики применения технологий политической мобилизации гражданского протеста в онлайн- и офлайн-среде современной России через призму прямого и опосредованного влияния на население со стороны институциональных и неинституциональных субъектов в связке «государство – гражданское общество».

Помимо этого, фундаментальными основаниями работы послужат положения теории «относительной депривации» Т. Гарра, «соревновательной политики» Ч. Тилли и теории «сетевое общество» М. Кастельса.

Интернет и уличная протестная активность

Любое коллективное действие требует решения двух ключевых задач: 1) мобилизации ресурсов для осуществления борьбы и достижения поставленной цели; 2) преодоления проблемы «безбилетника». При этом решение одной проблемы не приводит к параллельному решению другой, зачастую происходит обратная реакция: увеличение потенциального количества участников приводит к снижению стоимости индивидуального участия и, как следствие, к увеличению «безбилетников», считающих, что их участие не является значимым в рамках коллективного действия.

Очень точно выразились А. В. Соколов и А. В. Палагичева, отметив, что «Интернет стал и средой протестной активности, и фактором ее формирования, развития, функционирования, а сетевизация в значительной степени увеличивает численность вовлеченных в протест граждан, что повышает шансы на успех и результативность кампании» [3, с. 270]. Медиа-активизм, тем самым, позволяет увеличить ширину охвата потенциальных сторонников для вовлечения их в протестную активность (или же демобилизовать их, если ресурсы медиа-активизма используются для разложения протестного движения).

В этой связи возникает логичный вопрос, если интернет – это и среда, и фактор формирования протестной активности, то что в большей степени влияет на мобилизацию протеста: эмоционально заряженное содержательное сообщение, само по себе являющееся триггером к действиям, или положение автора в сети или структуре коммуникативного пространства? На основе анализа массива сообщений, опубликованных в период политического кризиса в Венесуэле 2019 г. в социальной сети Twitter, А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров выяснили, что сетевая позиция автора, характеризующая количеством подписчиков и, как следствие, репостов, в большей степени определяет возможность для политической протестной мобилизации [4]. К схожему выводу приходят эксперты Фонда развития гражданского общества в докладе «Альтернативная политика в современной Германии. Уличное протестное движение». Так, авторы пишут о том, что немецкий протест мобилизуется посредством микроинфлюенсеров, т.е. медийных лиц, оказывающих влияние на свою аудиторию посредством твитов и сообщений побуждающего характера, также и политизация протестов связана с позицией микроинфлюенсеров в структуре коммуникации [5].

Протесты зачастую имеют акционистский характер и призваны концентрировать на себе внимание людей, нести определенный информационный посыл. Д. В. Громов отмечает, что в публичных уличных акциях через призму социальной драматургии можно выделить ряд составляющих: «информационный посыл, зрители, сценарий, стратегия, тактика, декорации, реквизит, ведущий и т.д.» [6, с. 22], при этом окончание публичной части является не концом акции, а переходным этапом в «зону заднего плана» [6, с. 303], т.е. виртуальное пространство, где проходит обсуждение акции и планирование следующих действий. В этой связи особый интерес вызывает исследование

онлайн- и офлайн-форм протестной активности как взаимодополняющих частей единого коммуникативного пространства протеста.

Отечественные исследователи Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, А. А. Донцов, А. С. Хардикова на основании протестов в Москве и Хабаровске в 2020 г. выделили пять тенденций протестной активности на современном этапе:

1) появление полноценных символов протеста, которые выступают основой формирования системы дискурса и триггеров мобилизации различных социальных групп;

2) повышение неконвенциональности протестов, которая приводит к двум последствиям: а) повышению вероятности радикализации протестов и переводу их в сторону актуальных социально-экономических проблем и общего недовольства политической системой; б) субъектами мобилизации становятся не только крупные лидеры общественного мнения, но и обычные информационные каналы;

3) изменение аудитории протеста, что связано со взрослением аудитории, ставшей протестной по итогам начала 2010-х гг., а также с расширением общего протестного дискурса, что приводит к вовлечению в протест новых социальных групп;

4) формирование системы триггеров в социальных медиа, выраженное в дихотомии «мирных» и «жестких» методов со стороны протестующих и представителей органов власти;

5) вовлечение в протест большего количества регионов, т.е. протест на данном этапе локализуется не только в столицах [7].

В выделенных тенденциях очевидно пересечение реального и виртуального пространств, что также является одной из тенденций протестной активности в современной России.

Как происходит диффузия реального и виртуального протеста

Перед протестными акциями 23 и 31 января 2021 г. видео с хештегом #свободунавальному и #23января набирали сотни миллионов просмотров, что, безусловно, влияло на общественное мнение. По данным сайта Mediascope, аудитория TikTok в России на январь 2021 г. составляла 31,9 млн пользователей, при этом месяцем ранее – 26,8 млн (т.е. политизация сети, по нашему мнению, во многом обусловила и привлечение новой аудитории). Стоит отметить, что большая часть аудитории TikTok – взрослые люди от 25 до 44 лет, с видимым преобладанием женской аудитории. Молодежь 12–24 лет составляет четверть активной аудитории социальной сети [8].

В связи с массовостью аудитории и популяризацией политического контента перед властью, обществом и экспертами назрел вопрос о перспективах конвертации протестных настроений, канализированных в социальной сети, в уличные протестные акции. Со стороны властных структур были предприняты шаги по снижению темпов (демобилизации) протестной деятельности путем применения запретительных мер: так, в связи с требованиями Роскомнадзора по удалению видео с «призывами к детям» выйти на митинг в поддержку А. Навального TikTok, YouTube, ВКонтакте и Instagram удалили 38, 50, 50 и 17% от общего объема подобного контента соответственно [9]. Несмотря на акцентирование внимания на «вовлечение в протест несовершеннолетних», основной аудиторией протеста стали граждане в возрасте 25–35 лет (37%), 18–24 лет (25%), а объем несовершеннолетних составил 4%. Тем самым социологами был зафиксирован тренд на «взросление» протестной аудитории по сравнению с митингами 2017 г., возрастной диапазон которой сдвинулся в сторону 30–45 лет. При этом людей не объединяла единая тематика протеста, т.е., несмотря на то что митинг проходил под эгидой освобождения А. Навального, большинство участников имели индивидуальные причины участия, как правило, связанные с накопленным недовольством, раздражением на фоне пандемии, общей сложившейся социально-политической ситуацией в стране. И наконец, стоит выделить мнение Е. Курбангалеевой: «Сейчас антикоррупционные разоблачения не так близки людям. Это, безусловно, раздражает, но у людей куча своих насущных проблем социального характера. Расследование скорее стало триггером, но не больше» [10].

Цифровой активизм пользуется наибольшим успехом, когда он используется в качестве дополнительного инструмента к действиям в автономном режиме или применяется в качестве вводного метода, чтобы побудить людей участвовать в действиях в автономном режиме [11].

Р. В. Леньковым, О. А. Колосовой и С. В. Ковалевой было установлено, что участники фокус-групп выделяют ряд форм проявления «протестного поведения», где, помимо участия в массовых акциях и игнорирования закона, имеют место подписание онлайн-петиций, виртуальное членство в политических организациях, присутствие на публичных страницах политиков, выражение солидарности посредством лайков и репостов тем, имеющих политический или антиполитический характера [12]. Таким образом, студенты (которые являлись участни-

ками фокус-группы) осознанно интегрируют виртуальные действия в реальную практику. Онлайн-участие приобретает черты реального участия (по крайней мере, с точки зрения студенческой молодежи).

В качестве форм «цифровой протестной активности» М. А. Танина, И. А. Юрасов, В. А. Юдина и О. А. Зябликова выделяют: участие в специфических сетевых сообществах, открытых и закрытых телеграм-каналах; обсуждение различных проблем развития страны и региона; участие в распространении и блокировании информации; привлечение широких слоев общества к протестной риторике [13].

Крайне важно подчеркнуть результаты опросов, проведенных исследователями, относительно форм политического участия. Так, 60% респондентов считают, что посредством протеста можно влиять на решения местных властей и правительства, при этом 55% участия в протестах не принимали. В митингах/демонстрациях принимали участие 11% и 34% – в протестах в виртуальном пространстве [12]. При этом не понятно, что понимают авторы под участием в протестах «в виртуальном пространстве» и что понимают респонденты при ответе на данный вопрос. Аналогично ли определение протеста в виртуальном пространстве и протестного поведения в виртуальном пространстве? Однако нам важно зафиксировать, что онлайн-формы протестной активности встречаются более чем в три раза чаще в ответах респондентов, нежели участие в митингах/демонстрациях.

Нерешенным остается вопрос трансформации форм гражданского протеста в России. *В каких случаях протест канализируется в онлайн-практиках, а когда он переходит в офлайн-плоскость, и возможны ли обратные переходы?*

В качестве традиционного примера slackтивизма приводят эксперимент датского психолога Андерса Колдинг-Йоргенсона, в ходе исследования в 2009 г. создавшего группу в Facebook; заявленная цель состояла в защите исторического фонтана в Копенгагене, который власти намеревались снести. Так, в течение нескольких месяцев аудитория группы составила более 27 тыс. участников, однако реальной проблемы не существовало, никакой активности от участников не требовалось, при этом сами участники не пытались определить реальную картину [14]. Тем самым было продемонстрировано, что подобные группы с завидной легкостью формируются, образуют сопереживающую массу, однако они не способны сформировать устойчивых взаимосвязей, необходимых для реализации целей в

длительной перспективе. В этой связи нередко делается вывод о хрупкости образованных онлайн горизонтальных связей между индивидами.

Зарубежная и отечественная практика медиа-активизма онлайн-протестов: где они проходят и что из себя представляют

В приведенных выше изысканиях исследователей об онлайн-активности не встречалась такая категория, как «онлайн-митинг», подразумевая, видимо, что данный вид активности возможен исключительно в офлайн-пространстве. Однако конвергенция и взаимопроникновение пространств приводят к появлению не только виртуальной протестной активности, но и виртуального протестного действия.

В книге «Дело о повседневности» известный отечественный социолог В. Вахштайн отмечал гетерогенность и взаимопроникновение множества пространств. Акцент делался в том числе и на формы виртуального взаимодействия, выраженные в компьютерных играх, дающих возможность совершать те же действия, что и в реальном мире. Так, игра с элементами социальной сети «Second Life» позволяла пользователям не только общаться и заводить отношения (как в игре, так и впоследствии в реальной жизни), но и играть в казино, что в свое время стало основой судебного разбирательства. Суд постановил, что в определенных моментах (таких как увлечение азартными играми, которые запрещены на большей территории США) игрок должен руководствоваться правилами реального мира, находясь при этом в виртуальном пространстве [15].

В этой связи особый интерес вызывает пример организации протестов в игре «Second Life» в 2007 г., представленный в статье Б. Блуджетт и А. Тапия. Протест носил экономический характер, так как работники офиса IBM в Италии требовали повышения надбавок к заработной плате, и проходил в форме виртуальной забастовки. Акция организовывалась представителями профсоюзных организаций, в том числе и таких влиятельных, как UNI Global Union. Стоит отметить, что в подобной форме протеста 27 сентября 2007 г. приняли участие 1853 игрока из 30 стран мира. Виртуальный протест вызвал волну интереса и множество обращений к компании, что привело к принудительному закрытию части бизнес-центров компании. Результатом протестов стали уход в отставку директора Итальянского центра IBM и пересмотр условий контракта в пользу работников [16].

Авторы исследования трактуют успешность организации акции благодаря трем исходным условиям: 1) атмосфера развлечения; 2) меньшие для участников и большие для контролирующих органов затраты; 3) культура и сообщество. Обратить внимание хотелось на атмосферу развлечения, которая послужила линией демаркации серьезности протеста. С одной стороны, акция привела к непониманию важности протеста со стороны профсоюзов, так как это шло вразрез с их традиционными ценностями и методами взаимодействия с государством и бизнесом, а также представители СМИ восприняли протест лишь как форму игры, освещая именно развлекательный характер акции. Вместе с этим молодежь посчитала подобную форму выражения протеста приемлемой и привлекательной, что было обусловлено простотой участия и выражения своей позиции, что было затруднительно в условиях традиционной деятельности по защите своих прав [16].

Впоследствии виртуальный мир «Second Life» стал местом проведения множества протестных акций, в том числе и Occupy Wall Street («Захвати Уолл-Стрит») – глобального движения против экономического неравенства с известным слоганом «Нас 99%» [17].

Применительно к подобным виртуальным акциям протеста политолог М. Карягин отмечал, что эффективность настоящих и будущих акций в онлайн-пространстве определяется способностью преодоления ряда рисков:

- контроль (способность администрации ресурса свести активность к минимуму, удалив комментарии и посты);
- внимание (обусловленное массовостью площадки и возможностью для распространения новости на новых пользователей/«случайных людей»);
- деанонимизация (анонимность в интернете может казаться ложной, так как современные инструменты отслеживания могут привести к раскрытию реальной личности виртуального протестующего);
- последствия (определяемые возможными рисками для адресата в реальном мире);
- коммуникация (наличие координатора, организующего виртуальную активность, концентрирующего внимание участников непосредственно на акции протеста) [18].

В отрыве от игровой тематики, но в виртуальном пространстве онлайн-митинги имели место в России в 2020 г. и реализовывались в период жестких запретительных мер со стороны местных администраций, связанных с пандемией Covid-19.

1. Первым примером может считаться серия онлайн-митингов в городах России (Москва, Ростов-на-Дону, Красноярск, Нижний Новгород), проведенных в приложении «Яндекс.Навигатор». Стилистически подобная акция действительно напоминала реальный митинг по нескольким критериям: проведение виртуальной акции около здания, символизирующего власть и властные функции; наличие требований, призывов, лозунгов.

В Ростове-на-Дону причиной цифровой протестной активности граждан стало введение системы пропусков для передвижения по городу и последующие смежные проблемы: сложности в получении данных пропусков, длинные очереди и т.д. Большинство лозунгов, опубликованных через сервис «Разговорчики», связывалось с актуальной ситуацией: «Вводите режим ЧС», «Невозможно дозвониться насчет пропусков», «У меня нет денег, чтобы сидеть дома» и т.д. [19]. Стоит отметить, что подобные акции частично напоминают перекрытие дорог, так как в обоих случаях (но с разной эффективностью) затрудняется движение автомобилей.

2. Второй протестной акцией стал онлайн-митинг против поправок в Конституцию РФ, организованный кампанией «Нет!» в видеохостинге YouTube. Стоит отметить, что в данном случае протестная акция представляла реальный митинг по следующим критериям: наличие ведущих и спикеров; общая тема выступлений; наличие требований, призывов, лозунгов; подготовка и презентация резолюции с требованиями к власти. Пиковое значение участников митинга составляло 4700 человек – довольно низкий показатель с учетом заявленных спикеров и анонса выступления музыканта Noize MC, при этом всего онлайн-митинг на 22.02.2022 был просмотрен 72 149 раза.

В статье «Протест уходит в онлайн. Неизбежное подтолкнул коронавирус», опубликованной на сайте «Фонтанка.ру», большинство экспертов отмечают важность онлайн-акций, фиксируя при этом сложности в оценке эффективности подобной деятельности. Выделить хотелось бы слова политолога Дмитрия Орешкина по поводу цифровизации протеста: «Это так же неизбежно и так же странно, как виртуальные деньги. Неизбежно – потому что это удобно» [20], т. е. подобная практика требует времени, инфраструктуры и людей, осознающих возможности влияния онлайн-митингов на принятие политических решений. На данный момент мы вынуждены зафиксировать низкую «отдачу» от проведенных онлайн-митингов, так как пиковая и совокупная доля участников, несмотря на более низкий уровень «личных затрат», не пре-

вышла численности участников офлайн-акций марта 2017 г., января 2021 г. Это говорит о том, что даже потенциально протестная аудитория не видит смысла в участии в подобных акциях. Причина, безусловно, не только в низком уровне эффективности, но и в отсутствии азарта, адреналина, чувства солидарности и т.д.

В одной из статей отмечалось, что на протесты последовательно повлияли революции технологических средств при переходе от SMS-рассылки к социальным сетям, затем – к мессенджерам, а после – к конвергенции коммуникативных технологий и технологий блокировки системы распознавания лиц. Так, подобные переходы связаны с влиянием факторов внешней среды: «...приоритетом быстрого распространения информации (переход от форм прямой непосредственной коммуникации к SMS-оповещениям); необходимостью предоставления фактической (проверенной, зафиксированной) информации в фото- и видео-форматах (переход от SMS к социальным сетям); возможностью деанонимизации организаторов и координаторов протестной деятельности (переход от социальных сетей к мессенджерам)» [21, с. 684]. В этой связи успех протестной акции во многом определяется новизной методов, используемых онлайн-активистами, так как именно они определяют, смогут ли контролирующие органы предотвратить протестную акцию, наложить определенные санкции на организаторов и участников, снизить желание участвовать в протестной деятельности.

Взгляд исследователей на настоящее и будущее медиа-активизма кардинально отличается. Основываясь на изучении работ исследователей в указанной области, И. А. Бронников, М. В. Горбачев, О. С. Кононенко и И. К. Тимирчев выделяют четыре подхода к определению взаимоотношений между государством и гражданским обществом как основными акторами политического процесса и перспективные сценарии развития этих отношений:

1) негативный, скептический характер развития отношений, который связан с деактуализацией в связи с потерей интереса к массовому потреблению информации в среде наиболее активных (на данный момент) пользователей Сети;

2) оптимистичный, который связан с перспективами усиления влияния медиа-активистов на социально и политически значимые процессы вследствие развития технических условий;

3) «цифровой тоталитаризм», в результате которого широкое распространение интернета приведет к монополизации власти государ-

ством и транснациональными медиакорпорациями, которые будут держать у себя все основные рычаги управления Сетью;

4) техносолюционизм, в результате которого культурно-технологический прогресс станет основой для разрешения основных общественно-политических проблем [22].

Медиа-активизм становится наиболее распространенной формой проявления гражданской активности в современной России. Усиление контроля со стороны государства за различными каналами коммуникации приводит к сужению возможностей для информирования, мобилизации и координации граждан при проявлении различной активности, в том числе и протестной. В этой связи наиболее перспективным сценарием развития медиа-активизма в России представляется синтез оптимистичного варианта и «цифрового тоталитаризма». Тенденции к росту влияния медиа-активизма в результате увеличения количества пользователей социальных сетей и расширения возможностей для освещения определенных событий (с использованием фото-, аудио-, видеоматериалов, а также непосредственно комментариев медиа-субъектов) нивелируются законодательными и техническими возможностями государства заблокировать наиболее протестные и реакционные каналы.

Список литературы

1. Савенков Р. Протестное поведение и действие в современной России : возможности и ограничения // *Wschód Europy. Studia humanistyczno-społeczne*. 2020. Т. 6, № 1. С. 113–133. <https://doi.org/10.17951/we.2020.6.1.113-133>
2. Boulianne Sh., Theocharis Ya. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research // *Social Science Computer Review*. 2018. Vol. 38. P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>
3. Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и де-мобилизация в сетевом политическом протесте // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 266–297. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>
4. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа : теория и анализ данных // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
5. Альтернативная политика в современной Германии. Уличное протестное движение // *Фонд развития гражданского общества*. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/120> (дата обращения: 24.02.2022).
6. Громов Д. В. Уличные акции молодежных политизированных сообществ как объект социально-антропологического изучения : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 451 с.

7. Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Донцов А. А., Хардикова А. С. Базовые тенденции трансформации массовых политических протестов в РФ (2020–2021 гг.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 45–58. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-2-45-58>
8. TikTok. Общие показатели // MediaScope. URL: <https://webindex.mediascope.net/report/general-statistics?byGeo=1&byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byMonth=202101&id=384931> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Роскомнадзор : TikTok удалил 38% видео с призывами к «массовым мероприятиям», YouTube и «ВКонтакте» – по 50% // Медиазона, 22.01.2021. URL: <https://zona.media/news/2021/01/22/rkn> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Рожкова Е. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян // Коммерсантъ 30.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 22.02.2022).
11. Digital and Online Activism // Reset. Digital for Good. URL: <https://en.reset.org/knowledge/digital-and-online-activism> (дата обращения: 26.02.2022).
12. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 1. С. 31–41. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41>
13. Танина М. А., Юрасов И. А., Юдина В. А., Зябликова О. А. Теоретико-методологические основания социально-политического анализа цифровой протестной активности // Вестник университета. 2020. № 12. С. 165–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-12-165-170>
14. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York : Public Affairs, 2012. 432 p.
15. Вахштайн В. С. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. 176 с.
16. Blodgett B. M., Tapia A. H. When protests go virtual: How organizing social protest in virtual worlds changes the nature of organizing // 16th Americas Conference on Information Systems 2010, AMCIS 2010. P. 551–560. (16th Americas Conference on Information Systems 2010, AMCIS 2010. Vol. 1).
17. Occupy Wall Street Adds Second Life As A Protest Spot – And Why It’s A Legitimate Place To Rally // New World Notes. 11.10.2011. URL: <https://nwn.blogs.com/nwn/2011/10/occupy-wall-street-second-life.html> (дата обращения: 26.02.2022).
18. Карягин М. Виртуальный протест и суровая реальность // Актуальные комментарии. 22.04.2020. URL: <https://actualcomment.ru/virtualnyy-protest-i-surovaya-realnost-2004221626.html> (дата обращения: 26.02.2022).
19. Федичкина К. Жители Ростова-на-Дону устроили «онлайн-митинг» перед зданием правительства области // Коммерсантъ. 20.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326943> (дата обращения: 20.02.2022).
20. Нелюбин Н., Корбат И. Протест уходит в онлайн. Неизбежное подтолкнул коронавирус // Фонтанка.ру. 29.04.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/29/69232030/> (дата обращения: 18.02.2022).
21. Efanova E. V., Makarenko K. M., Savchenko I. A., Azizova D. K. The Protest Potential of Smart Technologies in the 21st Century // Popkova E. G., Sergi B. S. (eds.) “Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Cham : Springer, 2021. P. 683–690. (Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 155). https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_76
22. Бронников И. А., Горбачев М. В., Кононенко О. С., Тимирчев И. К. Медиаактивизм и гражданская мобилизация : генезис и тенденции // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 44–60. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1061>

Поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 20.05.2022
The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 20.05.2022